Памяти Николая Алексеевича Ивницкого — летописца трагедии советской деревни

Виктор Кондрашин

**In memory of Nikolai Alekseevich Ivnitsky —
chronicler of the tragedy of the Soviet village**

Victor Kondrashin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012179-7

27 июля 2018 г. скончался Николай Алексеевич Ивницкий — один из самых авторитетных историков России XX в., патриарх отечественной аграрной историографии, оставивший яркий след в науке своими аналитическими, но доступными по форме трудами по истории коллективизации в СССР. Он принадлежал к узкому кругу исследователей, хранивших верность одной теме, и в ходе многолетней кропотливой и, без преувеличения, подвижнической работы в архивах досконально изучил массив источников по ней. Это был настоящий труженик науки, учёный с большой буквы, классический русский интеллигент.

Николай Алексеевич родился 9 августа 1922 г. на хуторе Гнилуша Засосенского сельсовета Будённовского района Воронежской обл. в крестьянской семье. В 1940 г. с отличием окончил Викторопольскую среднюю школу в Валуйском районе той же области, затем около года обучался в Кредитно-экономическом институте Госбанка СССР в Москве. Вернувшись на родину в начале Великой Отечественной войны, трудился секретарём, председателем Викторопольского поселкового совета, счетоводом рабочего кооператива. Пережил оккупацию. После освобождения района в 1943 г. недолго поработал директором зерносовхоза «Викторополь», затем ушёл в армию, но вскоре был демобилизован по болезни. Далее успешно работал управляющим отделения совхоза «Викторополь». Награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Осенью 1945 г. Николай Алексеевич поступил в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), который окончил в 1949 г. Именно тогда он начал заниматься крестьянской проблематикой: по совету своего преподавателя — известного историка-«аграрника» Е.А. Луцкого — изучил крестьянское движение в 1917 г. на материалах Воронежской и Саратовской губерний. За доклад на 3-й конференции студентов московских вузов «Борьба саратовских большевиков за крестьянство в 1917 г. (март—октябрь)» он получил первую свою награду за научную деятельность — Похвальную грамоту Министерства высшего образования СССР¹. По окончании института поступил в аспирантуру, где под научным руководством М.Н. Черноморского подготовил и в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Колхозцентр СССР и РСФСР в 1927—1932 гг.». В том же году его пригласили на работу в сектор истории СССР Института истории АН СССР на должность младшего научного

© 2020 г. В.В. Кондрашин

¹ *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку. Автобиографические заметки. М., 2013. С. 69, 71.

сотрудника. В ведущем научном центре страны он проработал до 2001 г., став одним из самых авторитетных его сотрудников. Одновременно трудился в МГИАИ на должности доцента (до 1971 г.) и исполнял обязанности заместителя главного редактора журнала «Исторический архив» (до 1960 г.).

Молодой историк активно трудился на избранной стезе. В «Материалах по истории СССР» он опубликовал подборку документов о роли 25-тысячников в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г. (т. 1, 1955) и «Докладную записку Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве в 1928—1929 гг.» (т. VII, 1959). Важнейшим событием в научной карьере Ивницкого, определившим его творческую судьбу, стало участие в работе Главной редакции всесоюзной документальной серии по истории коллективизации, созданной по инициативе Института истории АН СССР, Главного архивного управления МВД СССР и Института марксизма-ленинизма после XX съезда КПСС, когда начался отказ от сталинских догм в интерпретации советской истории. В состав Главной редакции учёный вошёл в 1959 г., этот статус дал ему возможность работать в центральных и региональных архивах². Так, в 1962 г. Институт истории командировал его в Вологду для практической помощи местным исследователям. Сборник «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)», вышедший в 1964 г., стал одним из лучших региональных изданий по этой теме.

Участие в Главной редакции также позволило Ивницкому подготовить и в 1971 г. защитить докторскую диссертацию по теме «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.)». Её источниковую базу составили материалы почти 50 государственных и партийных архивов. Среди них особую ценность представляли документы «Кремлёвского архива» (Архива ЦК КПСС), закрытого для подавляющего большинства историков. Ивницкий получил доступ в него в связи с подготовкой 9-го тома «Истории СССР с древнейших времён до наших дней»³ и работал с материалами «Особых папок»: секретными документами Политбюро, Секретариата, Оргбюро и их комиссий, а также НКВД, ОГПУ, Наркомата земледелия и Колхозцентра.

В 1958 г. учёный также вошёл в состав группы по истории крестьянства и сельского хозяйства Института истории. Он мог занять должность её руководителя, но его не отпустили из редакции «Исторического архива». В результате группу возглавил В.П. Данилов, в неё также вошли М.Л. Богденко, М.А. Вылцан и И.А. Зеленин. В 1960-х гг. «крестьянская группа» предприняла попытку с новых позиций написать двухтомную историю коллективизации. Была подготовлена к печати первая книга, но её публикации помешало противодействие заведующего отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникова. Его и поднявших голову сталинистов не устроил критический подход авторского коллектива к личности «вождя» и его методам⁴.

Более того, во второй половине 1960-х гг. критике адептов сталинизма начали подвергаться и публикации самого Ивницкого. Например, в 1968 г.

² См.: *Ивницкий Н.А.* История подготовки постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации сельского хозяйства от 5 января 1930 г. // *Источниковедение истории советского общества.* М., 1964. С. 265—284.

³ *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004. С. 6—7.

⁴ Подробнее об этом см.: *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011. С. 69—228; *Кондрашин В.В.* Виктор Петрович Данилов — выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // *Люди во времени: записки историка.* Пенза; Саранск, 2012. С. 44—47.

на заседании учёного совета МГИАИ, обсуждавшего вопрос о партийности в преподавании и научно-исследовательской работе в институте, особый гнев выступающих вызвали статьи Николая Алексеевича, напечатанные в журнале «Вопросы истории» (1965, № 3) и в материалах научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР («Вопросы аграрной истории». Вологда, 1968). И в первую очередь их главный вывод: «Недооценка вредных последствий ошибок и перегибов в проведении коллективизации, имевшая место в выступлениях, действиях И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и других (они не только не пресекли в зародыше эти перегибы, а, по существу, способствовали их распространению), дала возможность в дальнейшем разрастись ошибкам и перегибам до угрожающих размеров. Это привело к тому, что к весне 1930 г. колхозное строительство оказалось перед угрозой серьёзной дискредитации»⁵. Ивницкому удалось отвести обвинения в антипартийности ссылкой на цитаты В.И. Ленина о возможности ошибок у политических партий и умении их вовремя исправлять⁶. Но под давлением администрации он в конце концов оказался вынужден уйти из вуза. Педагогическую деятельность продолжил в Московском финансовом институте, где работал с 1973 по осень 1990 г. — сначала доцентом, затем профессором.

Шквал критики обрушился на историка после выхода в 1972 г. его монографии «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.)». В условиях фактической реанимации сталинизма она оказалась настоящей красной тряпкой. Автор, основываясь на надёжной источниковой базе, посмел высказать иную точку зрения на ключевые аспекты коллективизации, оставаясь при этом в рамках позитивной её оценки в целом! С точки зрения современных знаний о трагедии советского крестьянства изложенный материал и выводы автора не кажутся столь уж революционными и выходящими за рамки официальной концепции коллективизации сельского хозяйства. Но для того времени это был настоящий прорыв в огромной массе литературы, прославлявшей успехи «революции сверху».

Что же сделал Н.А. Ивницкий? Во-первых, он доказал, что «перегибы» начались не зимой 1930 г., а ещё осенью 1929 г. «Ликвидация кулачества как класса» проводилась не на основе сплошной коллективизации, а одновременно, и даже предшествовала ей. Во-вторых, впервые был показан механизм выработки политики сплошной коллективизации, охарактеризована роль Сталина и Молотова в принятии постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации от 5 января 1930 г. и о ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации от 30 января того же года. В-третьих, впервые в советской историографии давалась обобщающая картина раскулачивания, депортации и дальнейшей судьбы крестьян, высланных в безлюдные и малозаселённые районы Севера, Сибири, Урала, Казахстана и Дальнего Востока.

Но самое «крамольное» заключалось в том, что исследователь «покусился» на теоретические догмы сталинизма. Он попытался по-новому осветить классовую борьбу в деревне, заочно споря со Сталиным, что по мере социалистического строительства классовая борьба не обострялась, а, наоборот, смягчалась и должна была сойти на нет с победой социализма. Также, исходя из высказываний Энгельса и Ленина, он допускал ненасильственные пути и методы

⁵ Вылцан М.А., Ивницкий Н.А., Поляков Ю.А. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 5.

⁶ Ивницкий Н.А. Трудный путь в науку... С. 163.

ликвидации кулачества, решение проблем сельского хозяйства экономическими средствами — т.е. фактически отстаивал линию Н.И. Бухарина и «правой оппозиции».

Книга Ивницкого сразу же оказалась в центре внимания научной общественности страны. Заметили её и за рубежом. Например, один из авторитетных западных советологов, профессор Бирмингемского университета Англии М. Левин писал в рецензии: «Советский исследователь, известный по своим работам, посвящённым истории советского крестьянства и коллективизации, предлагает вниманию читателей работу, которая является, вероятно, результатом многолетнего терпеливого исследования. Большое количество материала, публикуемого впервые, делает книгу ценным вкладом в изучение драматических, но всё ещё недостаточно понятных событий, в результате которых была создана колхозная система. Темой исследования Ивницкого является центральный стратегический план, разработанный для того, чтобы помочь коллективизировать крестьян. Он приводит новые цифры, данные и особенно много ранее неизвестных фактов о вырванных с корнем семьях и их последующей судьбе в сибирских и казахстанских пустынях, где они вынуждены были строить новую жизнь (те из них, кто, конечно, выжил; но эта проблема автором не затрагивается). Благодаря этой работе о 1930—1932 гг., когда происходило раскулачивание, создаётся более ясное представление как об остром периоде. Мы узнаём значительно больше об оппозиции крестьян колхозам — о различных формах “беспорядков” (выступлений) или “восстаний”, которые были очень распространены. Всю историю ещё предстоит написать, но вклад Ивницкого в осуществление этой задачи значителен»⁷.

Но если читатели и зарубежные специалисты высоко оценили исследование, то реакция внимательно прочитавших его сталинистов из научных и идеологических структур оказалась иной. За публикацию книги директору издательства «Наука» вынесли взыскание, а заведующего исторической редакцией и издательского редактора книги освободили от работы. Партийное бюро Института истории СССР признало исследование порочным и потребовало от Николая Алексеевича признания ошибок. Он отказался пойти на это — и тогда его убрали с должности редактора второго тома пятитомной серии «История советского крестьянства от 1917 г. и до наших дней». В этом томе он всё же написал пять глав, но их содержание отличалось от монографии и ненапечатанного двухтомника по истории коллективизации. Цензоры не пропускали в печать тексты историка, не вписывавшиеся в официальную концепцию возрождённого сталинизма⁸.

Давление на учёного продолжалось. В 1975 г. в пятом номере журнала «Вопросы истории КПСС» (орган Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) появилась разгромная рецензия Б.А. Абрамова и Т.К. Кочарли «Об ошибках в одной книге (Письмо в редакцию)». Рецензенты обвинили Ивницкого в том, что он «не всегда придерживается оценок, содержащихся в постановлениях партии по вопросам социалистического преобразования сельского хозяйства и представляющих собой основу для правильного, глубокого понимания проблемы». Критике подверглось положение о том, что при по-

⁷ Lewin M. Klassovaia bor'ba v derevne i likvidatsiia kulachestva kak klassa (1929—1932 gg.). By N.A. Ivnitsky // Slavic Review. Vol. 33 (September 1974). Iss. 3. P. 545—546.

⁸ История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства: конец 1927—1937 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 1986.

строении социализма можно было обойтись без насильственной экспроприации кулачества: «Вместо того чтобы всесторонне раскрыть сущность и направление этой политики в соответствии с документами партии, Н.А. Ивницкий встал на путь противопоставления политике партии высказываний некоторых участников ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), а также предложений комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлева и подкомиссии К.Я. Баумана (о возможности принятия большинства кулацких хозяйств в колхозы. — В.К.)... Вместо того чтобы подвергнуть критике это неверное положение подкомиссии, автор взял его под защиту и тем самым фактически противопоставил его постановлению ЦК ВКП(б) “О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству”». Обрушились рецензенты на автора и за его утверждение, «что если бы коллективизация проводилась без перегибов и ошибок, то происходило бы затухание, а не обострение классовой борьбы»: «Получается, что борьба... вызывалась неверными действиями партийных организаций и советов, их ошибками, тем, что неправильные действия органов власти вызвали временно вспышки гнева и ненависти у кулачества, выливавшиеся в открытые антисоветские выступления»⁹.

Новый этап в жизни Ивницкого начался в эпоху «перестройки и гласности». Тема коллективизации как крестьянской трагедии и преступления сталинизма вышла на первый план¹⁰, и Николай Алексеевич оказался одним из самых востребованных историков: активно выступал в СМИ, а его лекции пользовались большим успехом у широкой общественности¹¹. Первое публичное выступление состоялось летом 1987 г. в Ашхабаде на совещании архивистов Средней Азии и Казахстана. Той же осенью по просьбе правления Всесоюзного общества «Знание» учёный выступил в Политехническом музее. Его лекция «Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы» позднее вышла брошюрой тиражом 500 экз., который был целиком разослан по местным отделениям общества¹². Свидетельством признания заслуг историка коллегами стало его выступление в 1989 г. на пленарном заседании XXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в Минске с докладом «Ленинский кооперативный план и коллективизация сельского хозяйства».

Открытие архивов и актуальность темы позволили Николаю Алексеевичу в полной мере раскрыть исследовательский талант в фундаментальных работах, увидевших свет в конце 1980-х — начале 2000-х гг. Совместно с В.П. Даниловым он подготовил сборник «Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927—1932 гг.»¹³. Инициатива издания исходила от секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева. В конце 1986 г., в связи с кампанией в СМИ по переоценке событий советской истории, он поручил издательству «Политическая литература» подготовить сборник документов о классовой борьбе на селе в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Издательство

⁹ *Абрамов Б.А., Кочарли Т.К.* Об ошибках в одной книге (Письмо в редакцию) // Вопросы истории КПСС. 1975. № 5. С. 134—139.

¹⁰ См.: Коллективизация: истоки, сущность, последствия // История СССР. 1989. № 3. С. 3—62.

¹¹ *Ивницкий Н.А.* «Даёшь коллективизацию!» // Молодой коммунист. 1988. № 5. С. 78—86; *Ивницкий Н.А.* Ленинский кооперативный план и коллективизация сельского хозяйства СССР // Преподавание истории в школе. 1988. № 5. С. 22—30; *Ивницкий Н.А.* Горькие уроки коллективизации // Молодой коммунист. 1989. № 11. С. 65—70.

¹² *Ивницкий Н.А.* Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988.

¹³ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927—1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М., 1989.

обратилось в Институт истории СССР, а именно к Данилову и Ивницкому, с предложением принять участие в этой работе.

Николай Алексеевич так вспоминал об этом эпизоде своей научной биографии: «Мы считали, что сборник должен дать правдивую картину происходившего в деревне в 1927—1932 г., то есть от XV партийного съезда, взявшего курс на коллективизацию, до конца первой пятилетки, когда в колхозах объединили почти две трети крестьянских хозяйств, а кулачество “как класс” было ликвидировано. Кроме документов и материалов, хранившихся в открытых фондах архивов... мы решили включить в сборник ряд имевшихся у меня документов из ЦПА ИМЛ и Кремлёвского архива, в котором я работал в 1964 г. В их числе были материалы ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), обсуждавшего итоги и дальнейшие задачи колхозного строительства, “группу т. Бухарина” и другие вопросы. В частности, я предложил включить в сборник заявление Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского на пленуме ЦК ВКП(б), извлечения из речей на пленуме Ф.И. Голощёкина (Казахстан), М.М. Хатаевича (Средняя Волга), С.М. Кирова (Ленинград), Р.И. Эйхе (Западная Сибирь), С.В. Косиора (Украина) и др. Из материалов Кремлёвского архива я предложил некоторые документы “Особых папок”, в том числе постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации кулацких хозяйств, о коллективизации в национальных районах, о коллективизации в Чечне и Узбекистане, закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. “О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии” и некоторые другие»¹⁴.

В начале 1988 г. сборник был подготовлен. Но, по существовавшему тогда положению, на публикацию партийных документов требовалась санкция ЦК КПСС. Политиздат просил разрешить публикацию постановлений ЦК от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и от 20 февраля 1930 г. «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», поскольку они имели важнейшее значение для понимания политики начала 1930-х гг. Первая реакция была положительной, в том числе со стороны Яковлева и другого секретаря ЦК Е.К. Лигачёва. Однако через месяц возник вопрос о том, как секретные документы попали к составителям. Ивницкий объяснил, что скопировал их после XX съезда КПСС, когда получил допуск к материалам специального фонда «Кремлёвского архива». Но этого объяснения оказалось недостаточно, и постановления ЦК были исключены из состава сборника.

Зато в него вошли письмо М.А. Шолохова Сталину о принудительном изъятии скота у колхозников, а также письмо члена ЦК ВКП(б) В.Г. Фейгина Г.К. Орджоникидзе от 9 апреля 1932 г. о голоде в Западной Сибири. Также оказались впервые представлены материалы ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) (1929), письмо ЦК от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии». А то, что не удалось опубликовать, компенсировали вводные статьи Ивницкого и Данилова — как ко всему сборнику, так и к его отдельным разделам. В них, в частности, приводились сводные данные о количестве и дальнейшей судьбе сосланных и раскулаченных крестьян, о голоде на Северном Кавказе и Украине, репрессивной деятельности полномочных комиссий ЦК ВКП(б) во главе с Кагановичем и Молотовым в период хлебозаготовок и т.д.

¹⁴ *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку... С. 214—215.

Сборник «Документы свидетельствуют» положил начало новому этапу в освещении истории коллективизации. Публикации по данной теме стали выходить в регионах: Новосибирске, Свердловске и т.д. Ивницкий принял непосредственное участие в подготовке одного из них. В 1990 г. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра АН СССР обратился в Институт истории СССР с просьбой командировать исследователя в Петрозаводск для помощи в подготовке сборника документов по истории раскулачивания¹⁵. Как вспоминал Ивницкий, карельский сборник стал «первой ласточкой горькой правды о раскулачивании» в российских регионах¹⁶.

В 1980-х — начале 1990-х гг. историк руководил группой молодых учёных, аспирантов Института российской истории РАН, которые под его руководством защитили диссертации по темам, так или иначе связанным с историей коллективизации. Например, выпускница МГУ М.М. Кудюкина изучила классовую борьбу в советской деревне в 1926—1929 гг., Г.М. Доброноженко (Сыктывкар) — коллективизацию на Севере, М.Н. Глумная (Вологда) — единоличные хозяйства в первой половине 1930-х гг., О.А. Никитина (Петрозаводск) — коллективизацию и раскулачивание в Карелии. Своей педагогической деятельностью Николай Алексеевич заложил основы изучения этой проблематики в регионах. Для нового поколения историков-«аграрников» он — непоколебимый авторитет.

В данном контексте следует рассматривать и серию монографий и статей, опубликованных Ивницким во второй половине 1990-х гг. Их особенность в том, что они написаны для широких масс читателей, прежде всего студенческой молодёжи. В настоящее время в каждом высшем учебном заведении и почти в каждой библиотеке страны имеются книги учёного. Это редкий случай народного признания трудов историка, их общественной значимости.

Первой крупной постперестроечной монографией стала «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)»¹⁷. По сути это — книга 1972 г., переработанная и дополненная с учётом новых фактов и оценок. В ней учёный в концентрированном виде изложил концепцию истории коллективизации, сказав всё, что не мог сказать ранее. В последующих работах он лишь наполнял её новым фактическим материалом. Книга легко читается, поскольку написана мастером слова — в то же время это научный труд, выполненный в академических традициях. Ивницкий доказал, что настоящий учёный легко и доступно говорит с читателем о сложных научных проблемах.

Монография охватила период с 1929 по 1933 г. В центре внимания — механизм выработки плана коллективизации на уровне ЦК ВКП(б) (работа комиссий Яковлева, Молотова), а затем его практическое осуществление. Важнейшие сюжеты — раскулачивание и депортации крестьян, их сопротивление аграрной политике сталинизма. Автор уделил внимание хлебозаготовкам и голоду 1932—1933 гг. Завершается повествование главой о трагической судьбе раскулаченных и спецпереселенцев. В монографии определены основные этапы и формы раскулачивания. На первом этапе, в 1929—1930 гг., под него попали зажиточные крестьяне-единоличники, которых не только лишили хозяйства, но и изгнали из деревни в «кулацкую ссылку». На втором этапе, в 1931—1933 гг.,

¹⁵ Из истории раскулачивания в Карелии. 1930—1931 гг. / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1991.

¹⁶ *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку... С. 233.

¹⁷ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.

«раскулачивали» уже колхозников и единоличников — как «саботажников» хлебозаготовок и других обязательных поставок сельхозпродукции государству. Так термин «кулак» приобрёл новое содержание — «противник колхозного строя». Исключённых из колхоза «кулаков» и сорвавших выполнение государственных планов единоличников выслали в отдалённые и труднодоступные районы страны — так же, как и кулаков «первой волны».

Ценность работ Ивницкого заключается в том, что в них представлена самая точная и достоверная информация о жертвах сталинского голода. Под пресс репрессивно-бюрократической машины попали миллионы крестьян. Многих раскулачили ради запугивания, чтобы другие безропотно шли в колхозы. Историк установил, что за время коллективизации численность крестьянских хозяйств уменьшилась на 5,7 млн, или примерно на 25 млн человек. Административно-репрессивными и экономическими мерами было разорено не менее 1 млн крестьянских хозяйств с населением 5—6 млн человек. При этом только незначительная часть принадлежала к «эксплуататорскому» слою: более трети (2 млн 140 тыс. человек) были депортированы в 1930—1933 гг. А всего до Великой Отечественной войны подверглись раскулачиванию и высылке около 4 млн человек, из них от голода и болезней умерли не менее 800 тыс. Примерно столько же бежало из «кулацкой ссылки», многие из беглецов погибли¹⁸.

Николай Алексеевич занимал бескомпромиссную антисталинскую позицию, осуждая руководство СССР за насилие над крестьянством. Он не находил ему исторического оправдания, считая авантюрой и преступлением, видел лишь негативные и трагические их последствия. По его мнению, насилие над миллионами людей не вызывалось ни политической, ни социально-экономической обстановкой того времени. Напротив, именно оно привело к резкому обострению положения, вызвав сопротивление, вылившееся в массовое антиколхозное и антисоветское движение. Страна оказалась поставлена на грань гражданской войны. При этом коллективизация и раскулачивание не решили и экономических проблем, в частности зерновой, ради которой и затевались. Они привели к разрушению производительных сил деревни, падению сельскохозяйственного производства и страшному голоду. Историк не нашёл никакого «экономического» смысла и в использовании труда ссыльных крестьян. По его мнению, хозяйственное освоение необжитых и малонаселённых районов Севера, Урала, Сибири и Казахстана было бы более успешным, проводилось оно планоно и на добровольной основе, а не за счёт подневольного труда¹⁹.

Ивницкий обоснованно заключил, что коллективизация стала рубежом в раскрестьянивании советской деревни: крестьянин из мелкого и среднего собственника-производителя превратился в крепостного работника государства, будучи отчуждён от орудий и средств производства, лишён права распоряжаться результатами своего труда и т.д. Колхоз, по существу, стал государственным предприятием — с тем, однако, отличием, что государство не имело перед ним и его работниками обязательств по решению их первоочередных нужд, но могло по своему усмотрению распоряжаться произведённой продукцией. Колхозник оказался ограничен и в гражданских правах: он был привязан к колхозу, не мог свободно выбирать место жительства и работу, не имел права покидать деревню (за исключением случаев призыва в армию, выезда на учёбу, для работы в промышленности или на стройке по оргнабору). «Советская власть ме-

¹⁸ Там же. С. 257.

¹⁹ Там же. С. 257—258.

тодами принуждения и насилия, репрессий и депортаций, налогового пресса и другими мерами экономического воздействия осуществила сплошную коллективизацию, в результате чего крестьянство перестало существовать в прежнем значении этого слова. Оно потеряло свою индивидуальность и превратилось в послушного раба тоталитарного государства. Пагубные последствия... сказываются и поныне. Только на путях отказа от насилия и кампанейщины, учитывая желания и стремления крестьянства, на основе равноправного развития всех форм хозяйствования, в том числе и подлинно кооперативных, можно вывести деревню на рельсы прогресса и процветания»²⁰.

В 1995 г. в рамках программы Российского государственного гуманитарного университета «Новая информационная среда преподавания гуманитарного знания в высшей школе России» Ивницкий выпустил лекцию, которая получила высокую оценку проходивших «переподготовку» преподавателей вузов. Затем ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев заказал ему вторую лекцию — о голоде 1932—1933 гг. Обе лекции были изданы в том же году в коллективной монографии «Судьбы российского крестьянства»²¹. В 1996 г. в качестве учебного пособия для вузов и школ вышло второе, дополненное и переработанное издание книги «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)»²². Она рекомендована Министерством среднего и профессионального образования РФ в качестве основного учебного пособия для вузов, факультативных занятий и школьных уроков по курсу «Новейшая история» по теме коллективизации.

В 2000 г. Николай Алексеевич издал монографию «Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.)»²³. По структуре она совпадает с предыдущими, но отличается использованием нового источника — рассекреченных документов Центрального архива ФСБ РФ. Книга получила высокую оценку специалистов, однако вызвала дискуссию. Так, один из её рецензентов, первый заместитель начальника управления регистрации и архивных фондов ФСБ профессор В.К. Виноградов указал, что причины репрессивной политики режима проанализированы недостаточно подробно: «Какие внутренние и внешние причины влияли на политику и практику репрессий в отношении крестьянства? Почему большевистское руководство вело войну с крестьянами... до победного конца? То ли это грубое воплощение на практике социалистической доктрины, то ли попытка утвердить в мире модель державы нового типа?». Ивницкий отреагировал на это замечание, заявив, что никаких «внешних причин» репрессий в отношении крестьянства не было, а партийно-государственное руководство ссылалось на них, «чтобы оправдать массовые репрессии»²⁴.

Талант Николая Алексеевича как исследователя и глубокого знатока проблемы раскрылся и во время его работы над организованными В.П. Даниловым документальными сериями: первым томом российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД»²⁵ и особенно вторым

²⁰ Там же. С. 258—259.

²¹ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 249—297; *Ивницкий Н.А.* Голод 1932—1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. С. 333—363.

²² *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). Учебное пособие для вузов и школ. Изд. 2, доп. и перераб. М., 1996.

²³ *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.). М., 2000.

²⁴ *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку... С. 243.

²⁵ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 1998.

томом международного проекта Института российской истории РАН «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание»²⁶. Этот том посвящался периоду с ноября 1929 по декабрь 1930 г. Он более других насыщен ранее секретными материалами ЦК ВКП(б), которые составляют 60% его объёма. Благодаря глубокому знанию проблемы Ивницкий лично осуществил их тщательный отбор и публикацию.

В результате в научный оборот введены уникальные документы комиссии Молотова, о которой ранее почти ничего не было известно²⁷; «Директива ОГПУ всем ПП о приведении местных органов ОГПУ в состояние мобилизованной готовности в связи с предстоящим выселением кулака» от 23 января 1930 г., требовавшая сообщить, какое количество чекистов нужно для доукомплектования аппарата, сколько и в каких районах нужно сосредоточить войск ОГПУ и Красной армии²⁸. Исключительна по ценности докладная записка Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике «классовой борьбы» в деревне в 1930 г., которая никогда не публиковалась полностью. Особенно важны в ней хроника и статистические данные о массовых крестьянских выступлениях — причём не только приведена их общая численность (13 756), но и указано среднее число участников на одно выступление. Это дало возможность установить примерное количество крестьян, участвовавших в антиколхозной борьбе, — 4 млн человек. Так оказалось окончательно опровергнуто утверждение, что против коллективизации выступала только «зажиточно-кулацкая» часть деревни. Опубликована также справка о числе репрессированных тройками ОГПУ в 1930 г. Из 179 620 осуждённых к высшей мере наказания приговорили 18 966 человек. Другие опубликованные в томе источники указывают, что в 1930 г. аресту за «антиколхозную деятельность» подверглись более 283 тыс. человек²⁹.

На основе анализа документов Ивницкий сделал ряд концептуальных выводов. Во-первых, он доказал, что «операция по кулаку» разрабатывалась тщательно и ни о какой стихийности и инициативе крестьянских масс в раскулачивании не может идти речи: «Всё было заранее предусмотрено». Во-вторых, экспроприации начались по инициативе партийных комитетов ещё до выхода постановления ЦК от 30 января 1930 г.³⁰

Ивницкий принимал участие в подготовке четвёртого тома этой же документальной серии, посвящённого периоду 1934—1936 гг., и пятого тома (в двух книгах) о 1937—1939 гг. Особенно много он работал над второй книгой пятого тома после кончины Данилова в 2004 г. В 2005 г. на основе документов первых двух томов серии Ивницкий вместе с канадскими историками Л. Виолой и Д. Козловым подготовил к печати англоязычную версию: «The war against the Peasantry, 1927—1930», вышедшую в США в 2005 г.

Лучшей своей работой сам историк считал книгу «Судьба раскулаченных в СССР», увидевшую свет в 2004 г. В ней он впервые поделился мотивами, побудившими стать летописцем трагедии советской деревни: «Книга... завершает

²⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000.

²⁷ Там же. С. 116—131.

²⁸ Там же. С. 134—135.

²⁹ Там же. С. 20.

³⁰ Там же. С. 16.

цикл моих монографий по истории коллективизации и раскулачивания в конце 1920-х — 1930-х гг. Мой интерес к этой проблематике не случаен. Ещё в детстве, в 1930 г., когда мне шёл восьмой год, я видел ужасную картину раскулачивания и выселения на Север, в Соловки, крестьянских семей одного из районов Центрально-Чернозёмной области, Вейделевского, граничившего с Украиной. Плач детей, слёзы матерей... навсегда врезались в мою детскую память. Не обошло стороной горе и нашу семью. Летом 1930 г., когда шли повальные обыски в городе и деревне, был арестован мой отец Ивницкий А.С., крестьянин-бедняк. Тройка ОГПУ осудила его по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР на три года тюремного заключения “за задержку звонкой монеты” и направила на строительство Беломоро-Балтийского канала. Тогда же была раскулачена и сослана на Соловки семья сестры моей матери с двумя малолетними детьми (четырёх и шести лет). И хотя позднее семья была возвращена из ссылки как неправильно раскулаченная, глава её уже не вернулся, так как погиб в ссылке, а вернувшиеся на родину не получили обратно ни дома, ни конфискованного имущества. Иногда дело доходило до абсурда. Например, наш сосед крестьянин-бедняк был раскулачен и выслан на Север только за то, что у него была фамилия Чарторыйский, хотя никакого отношения к украинским и польским магнатам Чарторыйским он не имел»³¹.

В этой монографии на основе широкого круга как опубликованных, так и ранее недоступных материалов (из Центрального архива ФСБ РФ и др.) Ивницкий воссоздал картину «кулацкой ссылки». Это одна из самых трагических страниц в истории деревни. Основными регионами вселения раскулаченных являлись Северный край, Сибирь, Урал, Казахстан и Дальний Восток, засушливые неплодородные степи Северного Кавказа, южной Украины, горные районы Средней Азии. В этих регионах сосланные жили в спецпосёлках и имели статус спецпереселенцев. Их дешёвая рабочая сила использовалась для промышленного и сельскохозяйственного освоения, по существу, безлюдных таёжных и горных районов. Положение ссыльных мало отличалось от положения заключённых, а нередко оказывалось и хуже. Только за два года (1931—1932) численность спецпереселенцев сократилась с 1,8 млн до 1,4 млн (по другим сведениям — 1,3 млн) человек. В целом же свыше 800 тыс. ссыльных умерли от голода и болезней³². Книга получила высокую оценку учёных не только России, но и Канады, США, Италии, Великобритании, Австралии, Нидерландов, Дании и других стран.

В 2004 г., когда шла к завершению работа над сборником «Трагедия советской деревни», Николай Алексеевич предложил руководству Российского государственного архива экономики подготовить сборник документов и материалов о налоговой политике в советской деревне в 1928—1937 гг., в период «реконструкции народного хозяйства». Директор архива Е.А. Тюрина поддержала эту идею и сформировала под научным руководством учёного рабочую группу для подготовки сборника к печати. В её состав вошла и сотрудница архива, ученица Ивницкого М.М. Кудюкина.

³¹ *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 5.

³² Там же. С. 111—104; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 250.

Сборник вышел в 2007 г. под названием «Тянут с мужика последние жилы»³³. Он дополнил материалы сборников «Трагедия советской деревни» выводом о том, что налоговая политика государства в деревне подчинялась решению задач как экономического, так и социально-политического характера: индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, «ликвидации кулачества как класса», которые проводились за счёт крестьянства. Сборы и «добровольные платежи» росли из года в год. Особенно это проявилось в едином сельскохозяйственном налоге, к которому были привязаны все прочие. Документы опровергли стереотип о классовом принципе обложения (богатые платили много, середняки — умеренно, а бедняки — мало или не платили совсем). На деле налоговый пресс давил и середняков, для чего расширялись признаки «кулацких» хозяйств. В результате обязательные платежи (сельхозналог, самообложение, страховые платежи, культсбор) составили в 1930 г. 889,1 млн руб., 1931 г. — 1 731,1 млн, 1932 г. — 2 020 млн, а в 1935 г. — 3 566,5 млн руб., т.е. за пять лет возросли почти в 4,5 раза³⁴. Это издание — несомненный творческий успех коллектива составителей. Аналогичные работы не появились до настоящего времени ни в России, ни за её пределами.

Ещё одной важной темой в творчестве Николая Алексеевича стал голод 1932—1933 гг. Здесь он — один из наиболее авторитетных исследователей. Как уже отмечалось, историк сам пережил голод на юге Центрально-Чернозёмной области. Тогда, по его воспоминаниям, ему было десять лет, младшему брату — восемь. Оба они опухли от голода, а истощённую мать увезли в больницу... В 1986 г. Украинская студия хроникально-документальных фильмов обратилась к историку с просьбой выступить консультантом научно-документального фильма о голоде — «Горький хлеб надежды». Получив литературный сценарий, Ивницкий одобрил его, высказав ряд фактических замечаний. В начале 1990-х гг. учёный активно выступал по данной теме в печати и на различных конференциях, в том числе международных³⁵. Он объяснял причины голода негативными последствиями коллективизации и хлебозаготовок, отрицал его этнический характер, критиковал сторонников идеи о «геноциде голодомором Украины»³⁶. В 2003 г. по поручению директора Института российской истории РАН А.Н. Сахарова историк подготовил статью-справку для Министерства иностранных дел РФ об этой общей трагедии народов СССР.

По итогам исследования темы вышла в свет монография, ставшая, по признанию учёного, заключительной в авторской серии по истории советского крестьянства конца 1920-х — начала 1930-х гг.³⁷ В ней он подвёл своеобразный итог многолетней исследовательской деятельности. Используя материалы документальных серий «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД», а также документы, выявленные ранее в архивах,

³³ «Тянут с мужика последние жилы...» Налоговая политика в деревне (1928—1937 гг.). Сборник документов и материалов / Сост. Н.Е. Глушенко, Н.А. Ивницкий, М.М. Кудюкина, М.В. Серёгина, Е.В. Харрисон. М., 2007.

³⁴ Там же. С. 20—21.

³⁵ См.: Совершенно секретный голод // Московские новости. 1993. 20 июня; *Ivnickij N. Il ruolo di Stalin nella carestia degli anni 1932—33 in Ucraina (dai materiali documentari dell' archivio del Cremlino del Comitato central del partito comunista dell' Unione Sovietica e dell' OGPU) // La morte della terra. La grande «carestia» in Ucraina nel 1932—33. Viella, 2004. P. 73—92.*

³⁶ См., например: *Ивницкий Н.А. Голод 1932—1933 годов: кто виноват? С. 333—363; и др.*

³⁷ *Ивницкий Н.А. Голод 1932—1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Чернозёмная область. М., 2009.*

Ивницкий углубил и конкретизировал основные положения своей научной концепции коллективизации сельского хозяйства в СССР.

В отличие от предшествующих публикаций здесь он сконцентрировался на региональных особенностях трагедии деревни в начале 1930-х гг. В центре его внимания оказались важнейшие аграрные регионы страны: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье и Центрально-Чернозёмная область. Убедительно показан единый механизм антикрестьянской аграрной политики, которая обуславливалась решением задач форсированной индустриализации за счёт насильственного насаждения колхозов и превращения их в бесперебойный источник поставок хлеба и других ресурсов деревни на нужды государства³⁸. Также охарактеризованы масштаб и демографические последствия голода в основных сельскохозяйственных районах СССР. По подсчётам исследователя, жертвами голода стали не менее 7 млн человек³⁹.

Следует подчеркнуть, что основные выводы монографии — о насильственном и антикрестьянском характере аграрной политики сталинизма, её негативных и трагических последствиях для миллионов советских крестьян и сельского хозяйства в целом — получили подтверждение и дальнейшее развитие в трудах подавляющего большинства российских и зарубежных исследователей⁴⁰.

Высокая компетентность Ивницкого признавалась не только российскими, но и зарубежными специалистами. Ведущие научные центры Европы и Северной Америки неоднократно приглашали его на конференции и научные форумы, посвящённые советской истории. Например, в 1997 г. он выступил с докладом в Центре по изучению истории России и Восточной Европы в Торонто (Канада) на тему «Материалы Президентского архива и Архива ФСБ по истории советского крестьянства конца 1920-х — 1930-х гг.». В этом же году по приглашению Американской ассоциации по изучению истории славян он участвовал в работе 29-й национальной конференции в Сиэтле. Его доклад на секции «Раскулачивание: практика и политика» на тему «Раскулачивание, депортация и судьба раскулаченных в СССР (1930-е годы)» вызвал большой интерес. В декабре 1997 г. Ивницкий выступил с докладом на тему «Коллективизация и раскулачивание: источники, историография, итоги» в Институте Кеннана в Вашингтоне.

Перешагнув 90-летний рубеж, Николай Алексеевич выпустил воспоминания — «Трудный путь в науку», которые закончил следующей фразой: «В настоящее время сижу над очередной книгой “Сталинские репрессии в деревне в 1928—1938 гг.” Научная жизнь продолжается»⁴¹. К сожалению, ему не удалось завершить эту работу. Однако научное наследие замечательного исследователя трагических страниц истории советской деревни всегда будет востребовано поколениями российских и зарубежных специалистов, изучающих феномены коллективизации и сталинизма.

³⁸ Там же. С. 85—190.

³⁹ Там же. С. 243.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: *Кондрашин В.В.* Голод 1932—1933 гг.: трагедия российской деревни. Изд. 2, доп. и перераб. М., 2018. С. 21—78.

⁴¹ *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку... С. 279.